

А.С. Конвиссер

Антропософия и Рудольф Штейнер в зеркале Православной энциклопедии и в духовных исканиях русского религиозного философа

Для постоянного посетителя и читателя антропософского сайта очевидна, как мы надеемся, побудительная причина для нижеследующей публикации. Ведь у энциклопедий такого рода, вынуждены предположить, имеется, мягко говоря, несколько более широкий круг читателей, нежели у антропософской литературы... Так что представляется полезным и важным для всех нас узнать, в каком образе предстает антропософия на страницах этих авторитетных и многотиражных изданий, увидеть качество и тенденции освещения там того, что занимает центральное и ответственное место в нашей собственной жизни. А если принять во внимание, так сказать, конфессиональную доминанту религиозной, культурной жизни в нашей стране, наиболее интересным и важным видится ознакомление с изложением этого предмета именно в "Православной энциклопедии". Перед вами статья из нее.

Православная энциклопедия. М., 2001. том 2

Антропософия [от греч. человек и мудрость], или духовная наука, - оккультно-мистическая система, создателем которой является австрийский мыслитель Рудольф Штайнер (1861-1925). Антропософия вышла из теософии: Штайнер стремился превратить ее в экспериментальную науку, которая была бы способна выявить скрытые возможности человека; ее возникновение озаменовано основанием Антропософского общества в 1913 г. в Дорнахе (Швейцария), где по архитектурному проекту Штайнера был воздвигнут Иоаннов "храм", позже названный Гётеанум. Сожженный в новогоднюю ночь 1922/23 г. Гётеанум был вновь отстроен, в настоящее время в нем расположен центр Всемирного Антропософского общества с Высшей школой духовной науки. Региональные представительства Антропософского общества имеются во многих странах, в том числе в России (первое Антропософское общество было создано в 1913).

Основные постулаты антропософии: существует духовный мир, который не воспринимается обычными физическими чувствами; с помощью физических методов исследования познать этот мир невозможно, но его можно познать, развив в себе новые органы для восприятия духовной действительности. Сделать это может каждый, используя методы антропософии, являющиеся путем посвящения; чтобы познавать духовный мир, необходимы сверхчувственные органы восприятия, но чтобы понять то, что сообщается о нем, достаточно здоровой непредвзятой способности мышления. Сущностное ядро антропософии составляет медитативная самоуглубленность мышления.

Антропософия - учение пантеистическое. Нет Бога и мира как Творца и творения, но мир представляет собой лестницу Божественных потенций или сущностей (Wesenheiten), "иерархий", "планов" и т. д. "Это есть своеобразное языческое Миробожие, которое не знает Бога над миром, но только в мире" (Булгаков. С. 36). Мир есть эволюция Бога в мире, которая определяется особыми планетарными состояниями (Сатурна, Солнца, Луны, Земли, а далее - Юпитера, Урана, Венеры). Данным планетарным состояниям соответствуют семь состояний человеческого "тела", которым соответствуют духовные "сущности" в иерархии мира. Все духовно; "дух" есть перво-вещество мира - это спиритуализм, по существу являющийся гилозоизмом.

Пантеизм антропософии не признает за личностью человека подлинной реальности и ценности. Ее конечная судьба - полное растворение в Божественном. Человеческая личность есть лишь скрещивание влияний космических иерархий. "Одинаково не существует личного Бога, как и личности человека в качестве неизменного субъекта всех своих состояний. Поэтому нет места и личному отношению человека к Богу, каковым является молитва и любовь, но существует лишь безличное и обезличивающее растворение в космосе, медитация, "упражнения". Поэтому, в точном смысле слова нет места и перевоплощению, но лишь безличной эволюции" (Булгаков. С. 39-40). Следовательно, проблема личности с ее самотождеством и непрерывностью, столь существенными для христианства в его учении о смерти и воскресении, здесь не рассматривается.

В конце эволюции, считает Штайнер, человек должен подняться до "ступени божества", но речь здесь не идет о христианском понимании обожения по благодати, а о саморазвитии человека, развитии его воли до такой степени, что "однажды предметы станут настолько ярко впечатлеться в его сознании, что образы их начнут жить глубокой самостоятельной жизнью внутри него, и тогда облекающее такие образы слово человека станет творческим... Человек будет не только создавать образ, но и давать ему самостоятельную жизнь... человек начнет творить в сверхчувственном и будет в состоянии воспроизводить самого себя в окружающей среде" (Штайнер Р. Из области духовного знания. М., 1997. С. 229), - человек, таким образом, ставится на место Бога-Творца.

В языческой по существу антропософской христологии Христос предстает солнечным Божеством, которое было послано на землю и в момент Крещения соединилось с человеком Иисусом. Смерть Христа на Голгофе, по антропософским представлениям, изменила астральную оболочку земли. Этот факт, полагает Штайнер, был предчувствован в мистериях древности (см.: Штайнер Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991. С. 85-88). В антропософии Иисус Христос считается сложным существом, соединяющим в себе, путем перевоплощений и совоплощений Будду, Зороастра и Солнечного Духа.

"...Христос есть лишь космический агент, лишь момент космической эволюции. Штейнер видит Христа лишь опрокинутым в космос и не видит в Боге, в Божественной Троице, - пишет Бердяев, - Его Христос - натуралистический, он открывается в химии. ...Отношение к Христу в антропософии не религиозное и не мистическое, а исключительно оккультическое" (*Теософия и антропософия в России. С. 475-476*).

Штайнер много писал о Евангелиях, трактуя их в гностическом смысле. Его последователь Эмиль Бок (1895-1959) предпринял более широкую попытку истолковать всю Библию в антропософском ключе. Этим толкованиям свойственны оккультная фантазия, антиисторизм и навязывание Священному Писанию абсолютно чуждых ему идей.

Антропософия имеет ряд активно развивающихся практических направлений: вальдорфская педагогика (методика претендует на воздействие, сохраняющееся "в течение всей жизни"), биодинамическое сельское хозяйство (идея о преодолении бездушно-механического хозяйствования на основе земледелия через постижение биоритмов растений), антропософская медицина, формы социального устройства, новые формы искусства (эвритмия) и др.

В 60-х гг. XX в. антропософия получила повторное распространение в Европе и США, преимущественно в областях педагогики и медицины.

Литература:

Бердяев Н.А. *Теософия и антропософия в России // Собр. соч. II., 1989. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. С. 463-486; он же. Учение о перевоплощении и проблема человека // Переселение душ: Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве. П., б. г. С. 65-82; Булгаков С., прот.: Христианство и штейнерианство // Там же. С. 34-64; Хондзинский П., свящ.: Против Штейнера. Православие и Вальдорфская педагогика // Журнал Моск. Патриархии. 2000. № 8. С. 71-83; № 10. С. 62-76.*

Мнение неравнодушного читателя

В скромном предположении, что этот том роскошной и во многом весьма качественной Православной энциклопедии может попасть в руки думающего и подлинно верующего христианина, одного из тех, для кого подобные статьи чаще всего - единственный источник сведений об антропософской духовной науке и ее основателе, хотелось бы сделать хотя бы несколько принципиальных замечаний, обратить внимание на то, как авторы приведенной статьи обходятся с фактической стороной освещаемой ими темы, как они вообще относятся к, казалось бы, первостепенной своей задаче - объективно, а не привычным по еще советским временам образом дать представление о значительном явлении в духовной жизни современности.

Читаем: "...в Дорнахе... был воздвигнут Иоаннов "храм". Сначала с чьих-то "компетентных" слов ничтоже сумняшеся констатируется никогда не существовавшая претензия Антропософского общества или самого Рудольфа Штейнера воздвигнуть некое культовое здание для выполнения религиозных обрядов (по определению любой, в том числе наверное и Православной, энциклопедии), а затем слово "храм" иронически берется в кавычки...

А каковы многозначительность и "наукоемкость" собственного определения антропософии авторами статьи: это, изволите ли видеть, "спиритуализм, по существу являющийся гилозоизмом". Бедного читателя приглашают, видимо, основательно полистать данную энциклопедию (надеемся, небезрезультатно) или обратиться к подходящим философским словарям. Главное - поставить всё на привычную полочку среди других вездесущих "измов", тогда, несомненно, и обретется полная ясность касательно предмета рассмотрения.

Еще пример: "В конце эволюции, считает Штайнер, человек должен подняться до "ступени божества", - тут же и цитата из его лекции: "... Человек будет не только создавать образ, но и давать ему самостоятельную жизнь... человек начнет творить в сверхчувственном и будет в состоянии воспроизводить самого себя в окружающей среде" (*Штайнер Р. Из области духовного знания. М., 1997. С. 229*) - человек, таким образом, ставится на место Бога-Творца. - Но ведь речь в цитируемой лекции идет именно о "конце земной эволюции", об "этих далёких временах будущего", как говорится рядом с цитированным местом, о тех временах, когда "воздух будет духовно проникнут Словом", а человек будет сущностно творить посредством *слова* же. Это и есть упомянутая "ступень божества", на которой человек будет созидать подобно иным духовным существам, достигшим той же ступени, - "божествам" в глазах людей во все времена и во всех культурах. Где, спрашивается, тут пугающая верующего человека претензия как бы "подменить" человеком Бога-творца? А всё дело, видимо, в уверенности сочинивших статью в том, что вряд ли её читатель когда-нибудь доберётся до контекста приводимых цитат или иных текстов того же автора, довольствуясь пролистыванием энциклопедий.

А вот вам "языческая по существу антропософская христология". Что такое язычество? Думается, на страницах той же энциклопедии - православная ведь!- авторы статьи могли бы при желании обнаружить самое обычное, традиционное определение язычества как *нетеистических религий*. Какое это имеет отношение к антропософии, постоянно и принципиально определяющей себя как духовная наука? Это ведь с уважением признавал и столь охотно цитируемый в статье Николай Бердяев, писавший в своем "Смысле творчества": "Самый замечательный и значительный из современных теософов, Рудольф Штейнер, строит свою теософию как науку, строгую науку. Его теософия - это как бы естествознание иных планов бытия. ...Для Штейнера факт науки - основной в жизни человечества. Но он борется с материалистическими последствиями этого факта". (*Цит. по изданию: Николай Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994, с.76*). Лучше и точнее трудно сказать. Поневоле спросишь себя, не в том ли одна из причин сегодняшнего

катастрофического состояния пресловутой нашей российской "духовности", что статьи для религиозных энциклопедий не Бердяев у нас пишет...

Заодно, кстати, можно бы и таким вопросом задаться: с чего бы это идеологам явного религиозного обскурантизма, претендующим вещать от имени православия, так вдруг в последнее время полюбили имена Ник. Бердяева, Сергия Булгакова, Ивана Ильина - глядишь, и Владимира Соловьева полюбят - ведь долгие десятилетия были имена эти для них что красная тряпка для быка из-за нежелательной масштабности и независимости воззрений этих замечательных русских мыслителей. Причина лежит на поверхности. Просто интеллектуалы-инквизиторы отечественные наши, заботами которых в сознании окормляемого ими народонаселения определение "православный" как-то совсем уж вытеснило, заменило собой своего сущностного субъекта - "христианина", эти наши богобоязненные мыслители попросту следуют принципу: "враг моего врага - друг мне", благо не всякий сегодняшней читатель энциклопедий помнит совсем недавние анафемы клерикально-советского свойства в адрес того же Бердяева.

Сомнительно только, друзьями ли и единомышленниками новоявленных своих православствующих почитателей оказались бы сегодня носители имен, на которые повадились ссылаться критики антропософии. Общеизвестно, насколько основательно и глубоко занимался темами реинкарнации и личного, внеконфессионального духовного праксиса патриарх русской религиозно-философской эмиграции Николай Онуфриевич Лосский; интересующиеся легко найдут сегодня в библиотеках среди прочих его трудов "Учение о перевоплощении" и "Интуитивизм". А если говорить о Николае Бердяеве, то те, кто знакомы с его биографией, хорошо знают, насколько заинтересованно и серьезно относился он к антропософии и самому Рудольфу Штейнеру, как потрудился он, к примеру, поехать в 1913 году в Гельсингфорс, чтобы прослушать цикл его лекций о Бхагавадгите, и каких внутренних борений стоила ему выработка своей позиции по отношению к современному духопознанию.

Одно несомненно: тот, кто берет на себя сегодня ответственную миссию религиозного просвещения потерявших в большой мере всякие духовные ориентиры современников, должен был бы честно познакомиться с реальными фактами в этой области. Но одно дело - с легкостью вырывать нужные "для пользы дела" цитаты из масштабного и многостороннего наследия, удобные для поддержки своей заведомой позиции, а другое - попытаться глубже и уважительнее подойти к подлинной сложности отношения цитируемых авторитетов к предмету критики.

Исключительно красноречив приводимый в Энциклопедии перечень относящейся к делу литературы. Хотя в тексте самой статьи при цитировании имеется пара ссылок на изданные в России книги самого Рудольфа Штейнера, тем не менее, в конце, на самом видном читателю месте указаны одни лишь отвергающие антропософию, по мнению авторов, источники, рекомендуемые таким способом читателю как самые подходящие. Работ самого Штейнера там нет! При этом невольно продемонстрирована реальная степень понимания значимости привлекаемых имен: в один ряд с чистейшими вершинами русской мысли поставлен небезызвестный в сегодняшней России своими идеологическими доносами безграмотный клирик.

Как убедительное свидетельство упомянутой сложности отношения живших в изгнании русских религиозных философов к антропософии и их стремления объективно оценить ее значение, лучше всего привести некоторые неудобные для наших новейших духовных просветителей и потому не замечаемые ими высказывания Бердяева об антропософии и её основателе всё в том же "Смысле творчества": " <...> Мистическая теософия есть высшее искусство. В конце концов и Штейнер к этому приходит, поскольку в знании видит восхождение бытия, развитие самого человека. ...Так восходит Штейнер в составе человека до Я и до духа и вскрывает божественное в человеке. Человек включает в себя весь космос, от камня до Божества, и на нём отпечатлелась вся мировая эволюция.

<...> Значение Штейнера в том, что он выявляет мистические учения о человеке как микрокосме, как центре вселенной, обладающем творческим призванием во вселенной, и ставит проблему антропософическую. **Во всех мистических и оккультных учениях скрыто исключительное антропологическое сознание, которое трудно найти в официальных церковных учениях и в официальных философских учениях, (с.76, 88 того же издания. Всюду выделено нами. - А.К.)** <...> Ныне нельзя уже отрицать сферу оккультного в познании и оккультного в действии, в отношениях людей и в отношении к природе. ...Оккультное познание может быть необходимо в момент потрясения физического плана бытия. Но оккультизм может оказаться враждебным всякому творчеству человека. Тут необходимы религиозные критерии. **Наиболее, по-видимому, благоприятен человеку и его творческому началу оккультизм Штейнера, который признает новую мировую эпоху. (Там же, с.292-293).** <...> Штейнер непосредственно связывает себя с христианской эзотерикой, (с.316). <...> У Штейнера восточная безличная теософия ограничивается уже христианским антропософическим сознанием" (с.319).

Ценнейшим свидетельством подлинных мучительных духовных исканий Николая Бердяева, его стремления ближе познакомиться с антропософской духовной наукой и даже встретиться с самим Рудольфом Штейнером могут служить два его письма 1912 года к Андрею Белому. К тому моменту он прочёл лишь "Очерк тайноведения" в немецком подлиннике и книгу "Как достигнуть познаний высших миров", только что вышедшую тогда первым изданием в русском переводе под названием "Путь к посвящению". Слушать же за границей многочисленные уже тогда лекции Штейнера ему ещё не доводилось. Это многое объясняет в его вопросах Белому, прежде всего касательно того, что "у Штейнера нигде нельзя найти Христа". Сегодня для многих важнейшим, может быть, окажется высказанный в одном из писем основательный интерес одного из крупнейших русских мыслителей минувшего столетия, стоявшего у основ современного экзистенциализма, к "первоначальным гносеологическим работам Штейнера", как "родственным и близким" его собственным идеям. А это, ведь, прежде всего "Истина и наука" (1892 г.) и "Философия свободы" (1894 г.). В последней же,

по признанию Рудольфа Штейнера, как бы в свёрнутом виде содержится вся последующая антропософская наука о духе.

Названные письма были опубликованы впервые в 1965 г. в литературно-художественном и общественно-политическом альманахе "Мосты" (№ 11), издававшемся в Мюнхене.

Ответы Андрея Белого на них, насколько известно, не сохранились.

Известно, что деятельность Рудольфа Штейнера, становление современной духовной науки в годы, предшествовавшие Первой Мировой войне и даже вплоть до революции, вызвали большой интерес в России, особенно в литературных, художественных и философских кругах. Из писем Бердяева видно, с каким исключительным интересом и он относился к делу Штейнера в то время. Содержащиеся в них и кажущиеся сегодня странными вопросы можно объяснить опять-таки тем, что в 1912 году ещё совсем мало книг и лекций было вообще опубликовано, тем более в России. Сегодня же почти все книги и лекции доступны на многих языках, включая русский, и интересующиеся поднятыми Бердяевым в этих письмах проблемами могут найти в них ответ.

Так, на вопрос Бердяева в первом письме от 8.06.1912: "Почему в пути к посвящению, который есть путь к спасению, нет Спасителя, нет Христа. Почему весь этот путь идёт снизу вверх", а не стягается по благодати свыше? - и дальше: "И вот у Штейнера нет никакой христологии, а потому неверна и антропология, Что это значит?" - исчерпывающе отвечают многочисленные циклы лекций Рудольфа Штейнера, являющиеся именно христологией самого высшего порядка и чистоты. Сюда же относится книга ещё 1902 года "Христианство как мистический факт и мистерии древности".

А вот ещё вопрос, интересный тем, что взгляды Бердяева и Штейнера относительно важной проблемы религиозной жизни прямо противоположны. Бердяев спрашивает: "Почему Штейнер так окончательно отвергает дионисическую стихию жизни, почему не хочет знать ценность инстинктивного, страстного и подсознательного?" - Уже в следующем, 1913-м году в Лейпцигском курсе лекций "Христос и духовный мир" Рудольф Штейнер исчерпывающе говорил на эту тему. Там, в частности, говорилось о Сибиллах, об их пророческом даре, как бы истекающем из хаотических подоснов душевной жизни. При этом эти силы как раз противопоставлялись импульсу Христа - в отличие от одной из важнейших черт бердяевского взгляда на религиозный опыт.

Ещё один важный вопрос в письмах касался проблемы так называемой "свободы воли": "Допускает ли Штейнер, - вопрошал Бердяев, - творчество как абсолютно оригинальное создание человеком небывалого, как откровение самой человеческой природы?".

Надо ли говорить сегодня, сколь фундаментально проработаны проблемы творчества и свободы уже только в одной "Философии свободы" Рудольфа Штейнера, не говоря даже о других его ранних трудах - о миросозерцании Гёте, по общей теории познания, как и об обширнейшей разработке искусствознания в лекционных курсах в последующие годы.

"Уже несколько лет у меня есть большой познавательный интерес к Штейнеру. Он беспокоит меня. Я хорошо изучил его книги. <...> Штейнер крупный человек и значительное явление. Не думаю, чтобы Штейнер мог изменить путь моей жизни, но я сейчас охотно поехал бы в Мюнхен и вступил с ним в личное общение, если бы мои материальные и семейные обстоятельства позволяли это сделать. <...> Вопрос об оккультизме я считаю важнейшим для нашей эпохи. А в личности Штейнера обостряются и выявляются тысячелетия судьбы оккультизма. Лучшая из книг Штейнера - это недавно переведенная на русский язык "Путь к посвящению" (Бердяев говорит о вышедшей в Калуге в 1912 г. под этим названием книге Рудольфа Штейнера "Как достигнуть познаний высших миров" в переводе В. Лалетина под ред. Е. Писаревой). В этой книге есть удивительная ясность и последовательность мысли".

В заключение две выдержки из второго письма Бердяева от 9 декабря того же года.

"Это лето и осень я много читал и перечитывал Штейнера, многое внутренне узнал и по-новому осознал. В кратком письме не могу Вам сказать самого важного и существенного. Я не могу быть штейнерианцем и многое имею против штейнерианского пути. Но у меня не плохое отношение к Штейнеру, вероятно лучшее, чем у кого-либо из не штейнерианцев. Я придаю ему огромное значение и в нём вижу симптом великого космического перелома, обращение к тайнам космоса, которые были закрыты для церкви и для науки. Я чувствую важное колебание физического плана бытия: подымается сильный космический ветер, и человек может быть снесён космическими вихрями, если останется в прежнем незнании.

<...> Меня очень заинтересовали первоначальные гносеологические работы Штейнера и его книги о Гёте, так как мои собственные гносеологические идеи удивительно родственны и близки штейнеровским. Я тоже решительный антиплатоник и антикантианец, тоже считаю познание внутренней творческой силой бытия. Хочу написать статью о гносеологических предпосылках оккультизма, очень объективную и благожелательную к Штейнеру, не касаясь его теософии, и отдать в "Труды и дни".

Можно, к сожалению, лишь догадываться о том, какую позитивную оздоравливающую, просветительную роль могла бы играть в жизни страны Русская православная церковь и российское религиозное сообщество вплоть до наших дней, если бы они не отторгли, но, напротив, с благодарностью восприняли в своё время целительные импульсы, шедшие в начале XX столетия от крупнейших носителей русского религиозного сознания, начиная с Владимира Соловьёва.

Но эпоха брала своё. В том же выпуске "Мостов", из которого взяты цитированные выше письма Бердяева, приведен фрагмент из воспоминаний М.В. Волошиной-Сабашниковой с высказыванием Рудольфа Штейнера в 1916 году о предстоявшем тогда ближайшем будущем России, где "... можно будет пережить лишь хаос и чистилище". Как известно, безбожная власть попросту уничтожила физически, либо выбросила из страны почти всех их, подарив тем самым Западу возможность подлинного обновления тамошней философской

жизни. В России же возрождение, развитие через десятилетия в лоне самой церкви подлинного, современного богословия, сообразного духовным запросам сегодняшнего человека, было яростно пресечено уже самим церковным начальством и непросвещённым рядовым клиром.

Трагическим символом провала, возвращения церкви в позавчерашний день служит известное чудовищное устранение из начавшегося было процесса общего обновления страны православного мыслителя, священника о. Александра Меня на самом пороге "эпохи перемен".

Возвращаясь же к статье в Православной энциклопедии, послужившей поводом к этим заметкам и использовавшей имена русских философов, десятилетиями замалчивавшихся или поносимых официозными идеологами Московской Патриархии, а сегодня ставших вдруг для них чем-то вроде тех свечек, что под прицелом кинокамер держит в руке, словно стаканы, постсоветская номенклатура по престольным праздникам в московских храмах, то необходимо заметить следующее. И Николай Бердяев, и Сергей Булгаков, и Павел Флоренский, и многие русские философы "первой" эмиграции, да и Владимир Соловьев, конечно, - все они явственно стремились к *синтезу* науки, философии и религии. Но как раз на примере этих великих тружеников, подвижников русской религиозной мысли, видишь, что на путях чисто метафизического философствования такой синтез вообще вряд ли осуществим. Эти мыслители работали, честно искали. И если по разным и весьма серьезным причинам кто-то из них не смог распознать и признать *другой, соответствующий времени*, путь к упомянутому синтезу, это еще не есть основание ссылаться на них как на последнюю и непогрешимую инстанцию при оценке этого пути, использовать для своей демагогической и деструктивной критики эти большие имена как поленья для инквизиторского костра.